

же бездоказательны утверждения о существовании на Авентине древней лигурийской деревни кассиев и о наличии родовых кладбищ по склонам римских холмов и в долине позднейшего форума (там же). Едва ли можно так определенно приписывать началу V в. формы организации центуриатных комиций, как это формулируется на стр. 473 сл. Не объяснено в учебнике, почему преторов было двое (стр. 474). Не ясен и порядок назначения новых сенаторов (стр. 476). По предлагаемой автором схеме число сенаторов должно было очень скоро превысить установленную норму (ср. также стр. 491). Район Авентина не мог быть «портовым» (стр. 479) в первой половине V в., так как он стал заселяться, самое раннее, с середины этого столетия (закон Ицилия 456 г.). Опечаткой является перевод *ver sacrum* как «священной войны» (стр. 492 и 494). Ключку вождя сицилийских рабов «Еви» более точно переводить «Благосклонный», а не «Хороший» (стр. 571). Тиберий Грахх был избран народным трибуном не в 133 году, а на 133 г. (стр. 579). Сомнительно, принадлежал ли закон 111 г. Торию (стр. 585). Едва ли возможно относить тевтонов к галлам и гельветам (стр. 589).

По поводу истории Союзнической войны можно сделать Четыре возражения фактического порядка; во-первых, мы не знаем названия тайного общества италиков, «Италией», повидимому, назывался Корфиний (стр. 594); во-вторых, изображение вола на монетах восставших италиков, вероятно, имеет тотемическое происхождение; в-третьих, остатки армии П. Рутилия Лупа не были уничтожены самнитами, Марию удалось их спасти; в-четвертых, нам ничего неизвестно о тесной связи Митридата с восставшими италиками (стр. 595).

Неизвестно, на каком основании автор утверждает, что прорыв Спартака через линию укреплений Красса произошел в «декабрьскую ночь» (стр. 622). Плутарх («Красс», 10) говорит только о «снежной и бурной ночи». Лукулл и Помпей выступили на помощь Крассу несколько позднее. Темный вопрос о ссылке Овидия автор решаст настолько безапелляционно, что приводит даже фразу из «грозного приказа самого Августа» (стр. 684). Прозвище *Pius* было дано Антонину не за то, что он считался «идеальным типом монарха» (стр. 723), а за то, что он настоял на обожествлении Адриана.

Таким образом, для того чтобы III и IV разделы учебника во всех своих частях могли стать полезным пособием для советского студенчества, их необходимо переработать и дополнить в указанных выше направлениях.

Проф. С. И. Ковалев

А. Я. БРЮСОВ, Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., Изд. АН СССР, 1952, 260 стр., 68 рис., тираж 3000 экз., цена 15 руб. 50 коп.

Рецензируемая книга является первым обобщением исследований эпохи неолита и бронзы в европейской части СССР и впервые подводит итог этих исследований за советский период. Вместе с тем эта работа представляет также первый опыт восстановления истории племен, населявших европейскую часть СССР в эпоху первобытно-общинного строя в IV—II тысячелетиях до н. э. А. Я. Брюсов выполнил большую трудоемкую работу по изучению археологического материала и литературы, рассеянной в значительной своей части в виде статей, заметок и отчетов в различных археологических изданиях. Подчеркивая многообразное значение археологических данных для воссоздания истории общества в неолитическую эпоху, для выяснения исторических событий, происходивших в далеком прошлом нашей Родины, автор приходит к ряду интересных выводов, высказывает различного рода соображения и выдвигает много новых положений. А. Я. Брюсов не ставит перед собой задачу полностью разрешить поставленные им вопросы. Значительная часть их еще нуждается в тщательном ана-

лизе археологических коллекций и широком привлечении сравнительного материала; что может быть выполнено лишь объединенными усилиями большого коллектива.

Исходя из последних достижений советской исторической науки, археологи должны решить ряд сложных и трудных вопросов истории первобытно-общинного строя, в условиях которого происходило возникновение родов, племен и народностей, а также восстановить реальную картину общественно-экономических отношений того времени. В труде А. Я. Брюсова поставлены те вопросы, которые в настоящее время находятся в центре внимания советских археологов: образование племенных групп, территориальное их разграничение, их взаимоотношения, генетические связи, расселение и т. п. «Очерки ...» представляют большой интерес как для археологов, так и для всех, занимающихся вопросами древнейшей истории.

Книга начинается обстоятельным введением, в котором А. Я. Брюсов излагает основные положения своей работы и объясняет, в каком значении применяются им по-разному толкуемые термины: «неолит» и «археологическая культура». В соответствии с его определением, к неолитической эпохе отнесены не только памятники с неолитическим обликом, но и такие, которые связаны по своему происхождению со срубной культурой, относящейся целиком к эпохе бронзы. Поэтому было бы правильнее озаглавить книгу «Очерки по истории племен в эпоху неолита и бронзы». Понимания автором термина «археологическая культура» мы коснемся несколько ниже.

Первые главы посвящены характеристике племен, населявших бассейны нижнего и среднего течения р. Оки (ляловская, белевская, рязанская, волосовская и балахнинская культуры). В последующих главах дана характеристика северных племен (карельская, каргопольская и беломорская культуры и стоянки Большеземельской тундры); затем следуют среднеуральские (шигирская культура) и южнобалтийские племена. Последние четыре главы отведены рассмотрению племен южных культур: среднеднепровской, вольнской мегалитической, трипольской, ямно-катакомбной и полтавкинской. Книга заканчивается историко-археологическим обзором, подытоживающим содержание «Очерков...».

Уже простое перечисление районов, занятых различными племенами, и прилагаемые карты показывают, как много еще осталось участков, не затронутых исследованием. Эти участки или вовсе еще не обследованы археологами, или же на них соби-рался археологический материал от случая к случаю, без научной документации. Данные о некоторых участках неизвестны, потому что изучавшие их исследователи до сих пор не опубликовали своих работ, а коллекции, находящиеся в фондах музеев, малодоступны для изучения другим археологам. Отсюда вытекает сложность написания очерков по истории племен. Недостаточностью археологических данных объясняется и фрагментарность всей книги в целом, и необедительность аргументации некоторых положений автора. Книга А. Я. Брюсова является как бы проявителем, под действием которого начинают вырисовываться контуры исторического построения, иногда отчетливые, иногда же неясные, едва различимые.

В рецензируемой книге ставится один из кардинальных вопросов археологии — об этнических общностях. В настоящее время никто не сомневается в возможности выявления по археологическим данным различных сообществ, существовавших на той или иной территории. Вопрос, в сущности, сводится к определению признаков, по которым можно было бы выявить существование таких общностей. А. Я. Брюсов пришел к выводу, что археологические культуры, сложившиеся в эпоху неолита и бронзы (в неолитическую эпоху, по А. Я. Брюсову), отражают существование в это время племенных групп и что по распространению археологических культур можно судить о территориях, принадлежавших этим группам.

Между тем во введении сам А. Я. Брюсов совершенно правильно отмечает, что «... термин „культура“ применяется к понятиям с очень разнообразным содержанием, а это не может не приводить к нежелательной путанице и осложняет исторические выводы» (стр. 13). И в «Очерках...» единообразно, характеризующее археологическую культуру, не всегда рассматривается как выражение единства населения: А. Я. Брюсов признает, что археологические культуры являются отражением производственной

деятельности первобытных общественных коллективов (стр. 13), и не отрицает, что общность культуры возникает «в силу близости ступени развития производительных сил общества и формы хозяйства, а отчасти вследствие однообразия окружающей природной среды» (стр. 20). Все это совершенно правильно: действительно, общность материальной культуры возникает в связи не только с этническим единством населения, но и с одинаковыми основными занятиями населения и сходством природных условий, в которых складывалась древняя материальная культура, что особенно важно для понимания характера неолитических культур. Однако, отмечая все эти факторы, А. Я. Брюсов в дальнейшем не подвергает археологические культуры анализу с целью выяснения причин появления общих черт в материальной культуре, а рассматривает эту общность лишь как результат этнического единства населения. Примером может служить карельская культура, выделенная А. Я. Брюсовым по единообразию каменных орудий, т. е. по производственной деятельности. Однако изучение керамики показывает, что в Карелии жили сначала местные племена, создавшие свою культуру, а затем сюда проникли племена из волго-окской области, воспринявшие эту местную культуру. Таким образом, вопреки утверждению, что карельская культура отражает этническое единство населения, мы приходим к выводу, что на территории распространения карельской культуры, с появлением волго-окских племен, воспринявших местную культуру, население стало смешанным по своему составу. На примере карельской культуры отчетливо отмечается то несоответствие, которое часто наблюдается в распространении орудий определенного типа и керамики. Известно, что орудия, имевшие распространение в Карелии, резко отличаются от орудий волго-окской области, но вместе с тем в Карелии была распространена керамика волго-окского типа, что и позволило А. Я. Брюсову высказывать правильное предположение о проникновении в Карелию волго-окских племен.

Такое же несоответствие в распространении типов керамики и типов орудий имеется и в других областях, например, в окском бассейне, где для рязанской и волосовской культур наблюдается большое сходство в технике изготовления и в формах орудий, хотя керамика волосовских и рязанских племен резко отличается одна от другой. Переходя к рассмотрению окских культур, отождествляемых им с племенными группами, А. Я. Брюсов привлекает для выявления их и каменные орудия. Между тем сравнение волосовских и рязанских кремневых орудий показывает большое сходство между ними в микролитических орудиях и в орудиях, изготовленных из отщепов. Керамика рязанского и волосовского типа резко отличается одна от другой.

Определив области распространения этих племен, А. Я. Брюсов отнес к ним все найденные на их территории предметы как более древние, так и более поздние, не доказав существования преемственных связей между населением различных этапов. Первый этап волосовской и рязанской культур характеризуется по А. Я. Брюсову орудиями, изготовленными из ножевидных пластинок, в последующее же время применяется техника изготовления орудий из отщепов; орудия по форме и по своим размерам резко отличаются от орудий первого этапа. То же отсутствие преемственности следует отметить и на последних этапах развития материальной культуры как на территории волосовских, так и рязанских племен.

А. Я. Брюсов не дает отчетливого подразделения керамики из стоянки Алеханово на местную и на занесенную скотоводческими племенами, проникшими сюда с юга. На таблице же (рис. 11) изображена поздняя керамика, как характеризующая рязанскую культуру. То же отмечается на рис. 13, где к последнему этапу волосовской культуры отнесена керамика малоокских курганов, принадлежавших племенам, происхождение которых связано с населением срубной культуры. Вместе с тем в заключительной главе А. Я. Брюсов пишет о распространении в области рязанской и волосовской культур новой археологической культуры — подборновской или поздняяковской (стр. 249). В таблице волосовской культуры помещены предметы, с ней не связанные: фатьяновский топор (рис. 13, 28) и керамика из стоянки Плеханов Бор, относящаяся к балахнинской культуре (рис. 13, 42, 46, 47 и др.). Заканчивая обзор окских

племен, мы вынуждены отметить, что в дальнейшей работе необходимо более детальное изучение археологического материала при помощи типологического анализа.

По сравнению с окскими племенами среднеуральским и южнобалтийским племенам в «Очерках...» посвящено меньше внимания. Коллекции Прибалтики и Урала, в значительной части состоящие из так называемых «случайных находок», нуждаются еще в уточнении датировок, без чего невозможно привлекать их в качестве исторического источника. Так, например, в VII главе А. Я. Брюсову пришлось уделить больше внимания вопросам датировки, чем характеристике шигирских племен. То же относится к южнобалтийским племенам. Между тем детальное рассмотрение керамики позволило бы судить об обособленности уральских племен среди населения, занимавшего область к западу от них, и об этнической близости южнобалтийских племен с волго-окскими.

Что касается южных культур, а также фатьяновской культуры, нельзя не согласиться с А. Я. Брюсовым, что они являются выражением существовавших этнических общностей, так как — в отличие от неолитических — они характеризуются главным образом единообразием керамики. Так, срубная культура, выделенная в свое время В. А. Городцовым по погребениям, сопровождаемым своеобразной керамикой, была затем дополнена поселениями, принадлежность которых к этой культуре была установлена по керамике. То же касается и катакомбной культуры. Да и возможно ли было бы определение других культур без привлечения керамики? Ведь сам А. Я. Брюсов, затрагивая вопросы, связанные с происхождением племен или с характеристикой южных культур, обращает прежде всего внимание на керамику! Характеризуя среднеднепровскую культуру, автор подчеркивает, что она отличается главным образом керамикой (стр. 215). Критикуя буржуазные концепции, он отмечает их ненаучность и в доказательство приводит свои наблюдения над керамикой, констатируя в ней отсутствие того единообразия, на основе которого зиждется все построение Г. Косины о завоевании прагерманцами огромной территории вплоть до Киева (стр. 219). Наконец, говоря о расселении племен из волго-окской области в Карелию, А. Я. Брюсов прослеживает этот процесс также по керамике.

Фатьяновская культура рассматривается в «Очерках...», как культура пришлых скотоводческих племен, чуждых неолитическому населению. По мнению А. Я. Брюсова, фатьяновские племена являются ответвлением среднеднепровских племен. К этому же выводу, независимо от А. Я. Брюсова, пришла и я на основе анализа орнаментов и формы глиняных сосудов фатьяновской и среднеднепровской культур¹. Общность, наблюдаемая в системе орнаментации сосудов, и поразительная близость форм некоторых сосудов, несомненно, показывают наличие генетических связей фатьяновского населения со среднеднепровским.

А. Я. Брюсов ставит интересный вопрос об отношениях племен катакомбной и трипольской культур, но не разрешает его. Поводом к постановке этого вопроса служит обнаруженный Т. С. Пассек на трипольском поселении во Владимировке курган с погребением ямно-катакомбной культуры, что служит, по мнению А. Я. Брюсова, доказательством вторжения племен катакомбной культуры на территории трипольцев. Но наличие этого кургана прежде всего указывает на сооружение его на месте оставленного жителями поселения. Таким образом, курган служит показателем последовательности памятников во времени, но никак не доказывает их одновременности. Вряд ли на полу жилища насыпали курган; более вероятным представляется, что на месте когда-то существовавшего жилья, уже покрытого землей, была выкопана могильная яма и насыпан курган.

Также нельзя просто считать, что городско-усатовский этап трипольской культуры представляет новую самостоятельную культуру (т. е. новые племенные группы, по А. Я. Брюсову). На этом этапе продолжает существовать, наряду с но-

¹ См. М. Е. Фосс, Древнейшая история Севера европейской части СССР, МИА, XXIX, 1952, гл. XI.

вой керамикой, трипольская керамика, что, несомненно, указывает на генетические связи позднего населения с трипольским населением предшествующего этапа.

В «Очерках...» правильно решается вопрос о расселении племен по обширной территории европейской части СССР в связи с экономическими причинами. Изучение археологического материала приводит автора к выводу, что в эпоху неолита и бронзы происходил процесс расселения племен подобно тому, как это наблюдалось Морганом у индейцев. Действительно, распространение на значительной территории археологических памятников, отличающихся общностью (в основном наблюдаемой на массовом керамическом материале), позволяет судить о заселении этой территории родственными племенами. В связи с этим автором опровергаются антимарксистские построения о стадийных изменениях материальной культуры, происходящих независимо друг от друга в разных местах.

Не останавливаясь на всех вопросах и положениях, выдвигаемых в «Очерках...», мы должны отметить дискуссионный характер книги и актуальность тем, затронутых в этой работе. Несмотря на недочеты, которые неизбежны при всяком начале новой работы, особенно при первом опыте написания истории племен, книга А. Я. Брюсова сыграла большую роль в работе археологов, будя мысль исследователя и направляя ее к рассмотрению давно известного материала под новым углом зрения.

М. Фосс

*

Большие археологические исследования, проведенные в СССР, поставили и разрешили на основе марксистско-ленинской методологии ряд крупных исторических проблем. Одной из них явилось изучение неолитических памятников на территории СССР. А. Я. Брюсову здесь принадлежит одно из первых мест. Более 30 лет он работает по изучению неолитических памятников. Приступая к написанию своей новой книги, А. Я. Брюсов приходит к выводу, что фундамент наших знаний о неолитических культурах «достаточно прочен, чтобы на нем можно было начать воздвигать здание исторических сведений о безмянных племенах, населявших эту часть нашей родины несколько тысячелетий тому назад» (стр. 3). В связи с этим А. Я. Брюсов и ставит своей задачей изложить именно «историю неолитических племен, живших на территории европейской части СССР» (стр. 3).

Обрисовывая на широком фоне события этого времени, А. Я. Брюсов приходит к важному выводу, что «эпоха неолита начинается крупными изменениями, происшедшими в обществе и ознаменовавшимися в конце концов сложением на европейской части нашей родины крупных этнических образований, легших в основу современных народов» (стр. 259). Выводы эти подводят А. Я. Брюсова к решению ряда основных проблем. Таким образом, сама задача, выдвинутая автором, представляется новой и важной. И книга его, в основу которой положены исключительно археологические материалы, написана не в плане обычных археологических исследований, а в плане, как он условно называет, «гражданской истории этой отдаленной эпохи, в целях первой попытки дать сильное, хотя далеко не полное описание исторических событий, происходивших в европейской части СССР в эпохи неолита и ранней бронзы и дать их объяснение, исходя из особенностей развития производительных сил и производственных отношений» (стр. 19). В этом стремлении А. Я. Брюсова — безусловная заслуга автора. Вместе с тем, читая главу за главой книгу А. Я. Брюсова, отчетливо начинаешь понимать, насколько вообще отрывочен, недостаточен в целом археологический материал той или иной культуры, для того чтобы создать не обобщение тех или иных археологических памятников, а прочесть подлинную историю тех племен, по которым имеются значительные, казалось бы, археологические данные. А. Я. Брюсов сам хорошо понимает это. Свои «Очерки...» он называет «первым опытом», и мне представляется, что именно с этих позиций и следует рассматривать рецензируемую книгу.